

НАШЕ КИНО

ВОЙНА. ИСТОРИЯ СТРАСТИ

На съемочной площадке.
Слева — Александр Панкратов-Черный,
справа — Валерий Огородников

**Питерский
режиссер
Валерий
Огородников
заканчивает
работу над
новой картиной
«Красное небо.
Черный снег».**

Вел. Москва-2003-18 апр-с. 5.
**Мила КУДРЯШОВА,
Санкт-Петербург**

Действие фильма происходит в 1943 году в одном из уральских городов-заводов. Молодые герои картины со школьной скамьи работают у станка и мечтают защищать Родину на передовой. В результате уходят на фронт добровольцами. В это же время в тылу Великой войны кипят нешуточные страсти: любовь и измена, прелюбодеяние и искушение.

В картине заняты Игорь Скляр, Нина Усатова, Александр Панкратов-Черный, Петр Семак, Алексей Девотченко, а также театральная молодежь — Елена Панова («Граница. Таежный роман»), Елена Калинина, Максим Гудков и другие. Премьера киноверсии «Красного неба...» ожидается в сентябре. А в начале следующего года восьмисерийный телевариант на канале РТР будет совмещен с показом «Барака», предыдущей нашумевшей картины режиссера. Кстати, как и «Барака», новый фильм Огородникова снимался в уральском городе Сятка.

— В нашем фильме война выбрана в качестве фона для того, чтобы разыграть нешуточную, а бы даже сказал, героическую историю страсти, — говорит режиссер.

В этой картине мы увидим известных актеров в неожиданных ролях. Например, у Панкратова-Черного — роль начальника лагеря военнопленных, местного рабовладельца, Нина Усатова — «железная леди», хирург, начальник госпиталя, а Игорь Скляр играет исторического персонажа — директора Кировского завода Исаака Залымана.

Между прочим, ради съемок в этом фильме Панкратов-Черный чуть было не поплотился своими знаменитыми усами. Он с сердцем, обливающимся кровью, подписал пункт контракта о том, что обязуется сбрить усы. Однако наутро первого съемочного дня сердце дрогнуло уже у режиссера: Панкратов-Черный остался с усами.

Всех актеров режиссер заставлял худеть, дабы у персонажей военного времени не было столь ухоженного и цветущего вида.

В картине есть страшные эпизоды, которые кажутся чрезвычайно натуралистичными: убийство героя на центральной площади, выгрузка трупов из вагона, сцена насилия. «В основном это были этюды с воображаемыми предметами, — рассказывает режиссер, — отраженные сцены, как правило, получаются сильнее». Одним из самых сложнопостановочных моментов съемок оказался эпизод с четырьмястами гусями: «Одного из четырехсот мы ласково назвали Станиславский, потому что он вел за собой всех. Мало того, сел туда, куда надо, рядом с артистами, после всех дублей встал и поковылял по своим делам. Настоящий Станиславский! А другой — антагонист, которому все не нравилось, и все он делал по-своему — Всеволод (Мейерхольд). Представляете, какое искушение было у остальных 398 гусей! Как бы то ни было, после съемок я запретил есть наших гусей. Что же будет, если мы начнем есть наших артистов после каждого съемка?! Гринузай какой-то!»